

Роль традиции отношения к интеллекту в мировой истории: к вопросу о столкновениях идеологий и цивилизаций.

* Репинецкий С.А. Роль отношения к интеллекту в мировой истории: к вопросу о столкновении идеологий и цивилизаций. // Проблемы истории, археологии, образования. 60-летию А.И. Репинецкого посвящается. Сборник статей и материалов. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. 2012. С. 337-346.

На первый взгляд может показаться, что вопрос отношения к интеллекту у разных народов лежит в чисто культурологической или этнографической плоскости, однако при более внимательном рассмотрении становится всё более очевидно, что это один из краеугольных камней в построении политической системы и определении пути развития общества в целом.

Ещё Платон предлагал всецело передать власть над обществом наимудрейшим его представителям, прочно увязывая интеллектуальные способности человека с его политическим предназначением. В традиции большинства народов более или менее устоявшимся является включение «мудрости» в перечень обязательных качеств хорошего правителя. Но по каким критериям определяется мудрость или интеллектуальные способности? Решение этого вопроса в различных культурах или цивилизациях, идеологиях или системах будет по существу означать решение вопроса о власти: кому стоит предоставлять властные полномочия и как их распределять? Это ключевой вопрос любой политической системы.

Платон и во многих случаях традиция отдают предпочтение наличию жизненного опыта в качестве основного критерия, в результате, властью предлагается наделять наиболее пожилых членов общества. В древности, особенно в дописьменный период, это было актуально: в однородном по существу обществе именно старейшие его представители аккумулировали в себе опыт жизни и выживания и могли его использовать и транслировать на благо общества в целом.

При возрастании сегментации общества появился правящий слой, представители которого играли руководящую роль из поколения в поколение. Их господство удерживалось силой, но при этом оно имело и развитое идеологическое обоснование, апеллировавшее как к божественной природе власти, так и к управленческим традициям правящей элиты. Трансцендентальные аргументы мы пока оставим в стороне и обратим внимание на рациональное обоснование – именно оно легло в основу консерватизма как политической идеологии.

Основным фактором, определяющим способности человека к управлению обществом (прежде всего – его интеллектуальной способности принимать верные управленческие решения) был признан опыт, но не индивидуальный, а коллективный, то есть опыт, накопленный в его семье или социальной группе и передающейся и обогащающийся в её среде из поколения в поколение. Таким образом, консерваторы (в данном случае, в это понятие включаются так же представители традиционных обществ и социально-политических систем) утверждали (и нередко продолжают утверждать), что любой дворянин или представитель иного правящего слоя общества наделён в среднем большими способностями к управлению людьми (то есть, интеллектуальными способностями принимать верные решения и отдавать правильные приказы), нежели любой представитель «низших» слоёв.

Причина этого в том, что первый вырос на традициях власти, выпитал их буквально с молоком матери как традиции своей семьи и своего круга, ставшие уже «коллективным бессознательным», тогда как второй рос в среде с иными традициями (рабочими, торговыми, военными и т.п.) и не получил никаких управленческих способностей «по наследству». Всегда признавалась возможность для крестьянского сына стать великим королём или для принца – абсолютно бездарным правителем, но эти варианты всегда воспринимались консервативным мировоззрением как редкие исключения: на них основывались сказочные сюжеты и, если они

реализовывались в действительности, то это крепко запечатлевалось в истории и народной памяти, как нечто необычайное.

Стандарт восприятия консерватора: интеллект как продукт и принадлежность коллективного опыта. Иллюстрацией этого может служить известная французская поговорка: что нужно, чтобы быть хорошим виноделом? – нужно, чтобы твой прадед был хорошим виноделом. А как же быть с «первым» в этой цепочке – ведь кто-то же всегда должен быть первым! Консерватизм предлагает несколько вариантов ответа: первые либо получали власть (или иные способности) от сверхъестественных сил или великих правителей древности (об этом повествует богатая мифология), либо представляли собой выдающиеся исключения (как было описано выше), о которых складывались легенды.

Даже власть династии Романовых в России «Степенная книга» и другие историко-политические памятники XVII века выводили от Юлия Цезаря и Октавиана Августа – только так в рамках консервативного сознания можно было обосновать её легитимность¹. Парадокс межкультурного диалога: для современного человека обоснование власти выглядит более прочным, если базируется на всенародно принятом договоре. Такой договор был описан в летописи в связи с призванием варягов на Русь. Но этого было недостаточно для средневекового человека! Для консервативного сознания было гораздо важнее подчеркнуть прямую преемственность русских царей от римских императоров, власть которых считалась освящённой свыше и незыблемой, даже само слово «царь» появилось как транслитерация термина «цезарь», то есть император.

Относительно современные избрания и приглашения на царство, договора и помазания давали лишь краткосрочную легитимацию, тогда как для долгосрочной – требовалось прочно увязать современную власть с традицией, уходящей в глубь веков. Так, например, династии, основанные Борисом Годуновым, Оливером Кромвелем или Наполеоном Бонапартом не получили такой легитимации (хотя попытки делались) несмотря на всенародное избрание, коронование самим Папой Римским и т.п. Значение любых современных процедур меркло перед традицией многих поколений монархов. Конечно, можно возразить, что причинами падения перечисленных правителей или их потомков были конкретные причины военно-политического характера, однако в происходивших тогда событиях есть немало факторов психологического порядка; именно благодаря им те явления, которые переживала ни одна древняя династия, оказывались роковыми для новой.

В связи со всем, сказанным выше, интересно обратить внимание на концепцию И. Валлерстайна: он отметил, что 3 основные современные идеологии, о которых идёт речь, взяли за основу одно из 3 слов главного лозунга французской революции: «Свобода, равенство, братство!» – именно последнее слово стало лозунгом консерватизма². Данное наблюдение помогает лучше понять отношение традиционного и консервативного сознания к вопросу о власти и интеллекте: всё общество подобно большой семье и старший брат всегда остаётся старшим, которого младшие должны уважать и слушаться. Так же и другие братья – средние и младшие – не могут изменить своих позиций.

В этом смысл братства в консервативной идеологии. Этот принцип распространялся в традиционном обществе не только на правителей и виноделов, но и на подавляющее большинство занятий. Максимально полное воплощение он нашёл в индийской варно-кастовой системе, сделавшей практически все профессии наследственными для индусов без каких-либо легализованных возможностей вертикальной или горизонтальной социальной мобильности. В

---

¹ Книга Степенная царского родословия. // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 1 – 2. СПб., 1908 – 1913.

² Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М: Едиториал УРСС, 2003. – С. 75 – 85.

более мягких формах сохранение наследственных статусов присуще практически всем традиционным обществам.

Совершенно иное отношение к интеллекту и способностям человека демонстрирует другая идеология – социализм. В том же труде упоминавшийся И. Валлерстайн называет главным лозунгом социалистов равенство – в данном вопросе это подтверждается в полной мере. Обратимся к двум знаковым идеям классиков социализма: Фридрих Энгельс описал, как труд создал из обезьяны человека³, Владимир Ленин заявил, что каждая кухарка может и должна научиться управлять государством⁴.

Идея Энгельса интересна своим глобальным масштабом: отвергнуты не только сословно-классовые границы, но даже границы биологических видов! По мнению Энгельса, обезьяны могли буквально "научиться" быть людьми! Врожденные различия растворялись перед воспитательным потенциалом труда. Это апофеоз социализма: все абсолютно равны между собой (даже человек и обезьяна!) и нет никакой существенной разницы в интеллектуальных и иных способностях разных существ: кого угодно можно обучить чему угодно, даже быть кем угодно.

Ленин перешел к практическому применению этих принципов: если можно научить обезьяну быть человеком и стереть все видовые границы, то тем более можно научить представителей низших и необразованных слоев общества играть роль правителей и интеллигенции в обществе – "кто был ничем, тот станет всем" (слова из гимна большевиков «Интернационала»)! В данном случае, впервые произошел масштабный переход от социалистических идей к попытке их непосредственной практической реализации. В воспоминании многих "бывших" о первых годах Советской власти можно встретить обозначение представителей новой власти на местах, как правило, выходцев из самых низов, как "обезьян"⁵. Это вполне логично: с позиций консервативного подхода большевики именно занимались превращением обезьяны в человека!

Таким образом, отношение социализма как идеологии к интеллекту заключалось в категорическом неприятии факта какого-либо априорного неравенства способностей человека и какого бы то ни было влияния на них всего, что было до рождения конкретного индивида. По мнению социалистов, все люди равны (более или менее) в потенциале своего интеллекта и способности конкретного индивида к интеллектуальной деятельности (управленческой, исследовательской и иной) обусловлены почти исключительно его стремлением к их приобретению и качеством даваемого ему образования. Именно на этой парадигме базировалась попытка большевиков в пределах одного поколения провести полную замену классов управленцев и интеллигенции выходцами из низших мало образованных слоев общества (пролетариата) посредством их форсированного и централизованного обучения.

Подводя итог, отметим, что для обеих идеологий – консерватизма (традиционализма) и социализма – характерно совершенно различное, но в целом достаточно пренебрежительное отношение к интеллекту. Для традиционалистов интеллект лишён особой ценности – способность мыслить считается врождённой или обусловленной средой и наследственностью, социальным статусом; развитие интеллектуальных способностей не имеет принципиального значения. В связи с этим на протяжении всей истории консервативные или традиционные власти конфликтовали с системой образования, особенно высшего. В интеллектуальном развитии людей консерватор видит скорее угрозу, нежели позитивный потенциал.

Отношение социализма на первый взгляд прямо противоположное: за образованием признаётся решающее значение, однако, как известно из истории, социалистические

---

³ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.

⁴ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Просвещение, №1-2, октябрь 1917 года.

⁵ См. напр.: Готьё Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.

правительства сочетали в своей политике как беспримерные скачки в развитии просвещения, так давление на него. Проблема состоит в том, что социализм – как и консерватизм – не признаёт ценности интеллекта самого по себе, утверждая, что интеллектуал от полного неуча, в сущности, ничем не отличается. Любого неуча можно обучить до уровня академика или правителя, а любой интеллектуал обязан своим уровнем лишь своему образованию, т.е. чему-то внешнему по отношению к нему самому. Традиция передачи и развития интеллекта из поколения в поколение как некоего особого атрибута высших классов полностью обесценивается равно, как и сам образованный человек (его всегда можно ликвидировать и на его место обучить и поставить нового).

Переходя к конкретным примерам, обратимся к России – стране, в которой на протяжении всей её истории консерватизм (традиционализм) и социализм боролись и господствовали безраздельно, сменяя друг друга во власти и в массовом сознании, и лишь изредка на отдельные годы уступали место иным системам. Всё, что было сказано выше в отношении эти двух идеологий вполне релевантно к российской консервативной (традиционалистской) и социалистической традиции. Остаётся добавить несколько фактов, иллюстрирующих в целом негативное отношение русских к интеллекту.

Во-первых, обратим внимание, что в русском языке обозначающее наличие интеллекта прилагательное «умный» зачастую имеет явно негативный оттенок («что умный что ли?»), а производный от него глагол «умничать» всегда употребляется в негативном значении. Во-вторых, фольклор – выразитель народного сознания – содержит таких положительных героев, как «Иванушка – дурачок» в сказках и славившиеся исключительно силой и патриотизмом богатыри в былинах – ни одного положительного персонажа, восхваляемого за его ум в качестве основного, а не второстепенного дополнительного, достоинства, в русском фольклоре мы не встретим. Левши и Кулибины не были народными героями, а Менделеева и Толстого народ узнал только из обязательной средней школы.

В-третьих, ту же картину даёт нам и современный народный дискурс. Слово «интеллигент» приобрело явно негативную окраску. За управленческой деятельностью, политикой (наиболее интеллектуальным видом деятельности наряду с наукой и культурой) прочно закрепился ярлык «грязного дела». Такой подход в национальном масштабе не замедлил отразиться на политической реальности: кого же народ хотел видеть во власти после того, как в его сознании прочно укоренилось мнение, что приличному человеку туда даже соваться не стоит?

Такая национальная парадигма привела к катастрофическим последствиям в национальном масштабе, которые особенно тяжело отразились на судьбе России в период индустриальной и научно-технической революций. Низкая ценность интеллекта в массовом сознании русских всегда приводила и продолжает приводить к крайне низкой степени влияния интеллектуалов на стратегию страны и управление ею (чем они, собственно говоря, призваны заниматься в силу своей максимальной способности к оперированию большим объёмом информации и принятию оптимальных решений), к их, в основном, подчинённому положению в обществе.

В результате у руля страны оказываются люди наименее одарённые способностью к мыслительной деятельности, а зачастую и не обладающие образованием. Самые печальные примеры: император Александр III, Н.С. Хрущёв, В.С. Черномырдин – все они были посмешищем для своих современников и причинили значительный ущерб стране просто в силу своей необразованности и бездарности. Традиция отстранения интеллектуалов от власти зашла в России настолько далеко, что, даже оказавшись у власти, интеллектуалы буквально не способны ей распорядиться и удержать её (примеры Временного Правительства и М.С. Горбачёва – людей с очень высоким на общем фоне уровнем образования).

Продемонстрировав негативные варианты традиции отношения к интеллекту в мировой истории, обратимся к позитивным примерам. Из трёх основных идеологий – консерватизма, социализма и либерализма – именно последний одержал на данный момент историческую победу: преимущественно либеральные (или более либеральные) государства Запада и их резиденты преобладали среди победителей в обеих мировых войнах и оказывают наибольшее влияние на развитие мировой цивилизации в последние два столетия. Наиболее яркие взлёты в развитии других стран в основном тоже связаны с внедрением элементов либерализма (например, японское экономическое чудо или последние реформы в Китае). На современном этапе позиции либералов значительно поколеблены, но в целом всё ещё сохраняются. «Либерализм смог стать «здравым смыслом» современной исторической эпохи»⁶ и продолжает оставаться в этом качестве; во всех развитых и большинстве других стран практически все современные политические силы представляют собой лишь оттенки либерализма: левый, правый, консервативный, национальный и т.п.⁷ Представляется, что либеральные традиции отношения к интеллекту сыграли важную (и даже ключевую) роль в этих успехах.

Если обратиться к языкам либеральных стран, то, сложно найти примеры негативных характеристик со значением «умный», «интеллигентный» и т.п. В английском и французском языках, например, существует похожее на русский аналог пренебрежительное определение «мистер всезнайка» (Mr. know-it-all и monsieur je-sais-tout). Это представляется вполне логичным: ум – однозначно положительная характеристика, но если человек выказывает претензии на компетентность во всём, то это скорее признак скудости ума и достойно насмешки. Совсем иную картину мы видим в России: ум – это недостаток (вспомним классика: «Горе от ума»), зато почти в каждом поколении появляются лидеры, которым народ и официальная пропаганда приписывают «всезнание» и никого это не смущает своей очевидной абсурдностью.

Царям и вождям СССР приписывалась и приписывается способность разбираться и «говорить последнее слово» в любой области знания. Трудно себе представить президента США или королеву Англии, разрешающих научные дискуссии своими статьями, по своему мнению поддерживающих и уничтожающих научные школы, а в Российской империи и СССР 1930-50-ых гг. это было вполне обычным явлением (особенно прославились этим Екатерина II, Ленин и Сталин, но грешили и другие правители). Пожалуй, первым ярким прецедентом стали события церковного раскола XVII века, когда царь Алексей Михайлович объяснил иерархам, кто из них прав в их богословских спорах, а неправых отправили в заточение или ссылку.

Впрочем, для тех времён, когда ещё все народы были достаточно далеки от либерализма, такие примеры можно отыскать везде (европейские монархи тоже «объясняли» своим прелатам, что и как), но беда России в том, что она до сих пор не смогла пережить эту фазу развития отношения к интеллекту. Если в Европе и Америке уже в XVIII веке происходили «революции философов», т.е. глобальные социальные сдвиги, обусловленные деятельностью именно передовых умов той эпохи, то в России до этого дошло, только к концу XX века (Перестройка), да и то «передовые умы» очень быстро потеряли инициативу и контроль над ситуацией. Остальные социальные сдвиги происходили и продолжают происходить в России не благодаря, а скорее вопреки деятельности её учёных, под практически монопольным предводительством «всезнаек». Учёным остаётся лишь *post factum* объяснять, что было сделано не правильно, и почему «получилось как всегда», несмотря на то, что как всегда «хотели как лучше».

Наиболее яркие, пожалуй, иллюстрации ведущей роли интеллекта в стратегии развития англосаксонской цивилизации из истории XX века – это колледж «Итон» («Eton»),

⁶ Шварцмантель Д. Идеология и политика. / Джон Шварцмантель; [Пер. с англ. Е.В. Пызина]. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009 – С. 88.

⁷ Подробнее об этом см.: Репинецкий С.А. Мировая либеральная революция: четвёртый путь, изменивший мир. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», № 2-2011. С. 20 – 24.

Кейнсианство и доклад о пределах роста Фридмана – Хайека. Первый пример – это очень сильное учебное заведение, в котором учатся дети британской национальной элиты и особенно одарённые отпрыски иных семей, а после обучения практически гарантированно выдвигаются на ведущие позиции в государственном аппарате. Этот пример примечателен тем, что, с одной стороны, сохраняется консервативная традиция передачи лидерских позиций в обществе преимущественно по наследству, в то время как с другой стороны, это наследование происходит не автоматически, а посредством получения очень высокого уровня образования, которое оставляет «включёнными» и социальные лифты, т.е. путь наверх открыт так же для homo novus. «Итон» приведён здесь лишь для примера – в большинстве стран Запада есть подобные заведения.

Социалистическая пропаганда, со времён первых утопистов, Маркса и Ленина всегда указывала на кризисы западной капиталистической либеральной цивилизации, как на её основную характеристику. По понятным причинам, пропагандисты умалчивали о способности этой цивилизации любые кризисы преодолевать. Как мне представляется, как раз способность преодолевать любые кризисы и есть её главная черта, позволившая ей выжить и оказаться сильнее всех противников, в том числе, социализма, не способного преодолеть свои кризисы. Но как же преодолеваются кризисы на Западе? На этот вопрос отвечают примеры Кейнсианства и доклада о пределах роста М. Фридмана – Ф.А. Хайека.

В ходе двух крупнейших экономических кризисов капиталистического мира XX века – великой депрессии 1920-30-ых гг. и кризисного десятилетия 1970-ых гг. пути выхода из них и перехода на качественно более высокий уровень развития были указаны в трудах наиболее выдающихся исследователей в области социальных наук того времени – Д. Кейнса, М. Фридмана и Ф.А. Хайека. Именно они придумали, обосновали и спроектировали «Общество всеобщего благоденствия» или «Общество 2/3» (социально-экономическая система, построенная на основе Кейнсианства и господствовавшая в США со времени Рузвельта, а в Европе после Второй Мировой войны) и «Неоконсервативную волну» (социально-экономическая система, построенная на основе доклада о пределах роста Фридмана – Хайека и господствовавшая на Западе с конца 1970-ых гг., приведшая к оформлению постиндустриального или информационного общества⁸). Это наиболее яркие примеры, иллюстрирующие общий подход к стратегическому планированию.

Таким образом, в Западных обществах при отборе национальной элиты сочетается консервативный принцип наследования и социалистическая идея образования, а при определении национальной стратегии основную роль играют передовые научные разработки. Это и есть либеральная традиция отношения к интеллекту и его роли в развитии общества, которая обеспечила западной цивилизации завоевание и удержание в течение последних веков лидерских позиций в глобальном масштабе. В не меньшей степени успехам Запада способствовало наличие у его конкурентов кардинально отличного отношения к интеллекту, как это было показано на примере России. Отметим, что даже те, кого принято считать «либералами» в России и подобных ей странах зачастую оказывались не на высоте своего названия – достаточно вспомнить губительную для российского образования и науки «либеральную политику» последнего десятилетия XX века.

Чтобы убедиться в том, что именно либералы (настоящие) всегда были последовательными сторонниками объединения принципов наследования и образования в формировании элит и непосредственного влияния научного сообщества на управление обществом, достаточно обратиться к их трудам в любой стране в любую эпоху. Мы можем

---

⁸ Подробнее о последствиях реформ и качественном скачке западного общества см.: Тоффлер, Э. Шок будущего (Future Shock) — М.: АСТ, 2008.

встретить эти идеи и у Адама Смита⁹ (фактически, основоположник классического либерализма), и у Иеремии Бентама или Бенжамена Констана, и у Амартии Сена¹⁰ (индийский либерал XX века) и у русских либералов времён Великих реформ, и в идеологии партии Кадетов (её ЦК в основном состоял из представителей научного сообщества).

Иногда либералам приходилось отстаивать совершенно очевидные, с точки зрения современного человека, положения против консерваторов или социалистов. Например, российские либералы середины XIX в. вынуждены были обосновывать необходимость замены обязательного труда системой вольного найма, в том числе и потому, что врождённые способности и склонности человека подскажут ему оптимальную сферу приложения сил, а образование сможет умножить их эффективность¹¹. Консерваторы при этом уверяли, что «рождённый ползать летать не может»: рождённый крестьянином должен всегда им и оставаться. Социалисты же доказывали, что всем полезно заниматься физическим трудом и обрабатывать землю (по крайней мере, всем крестьянам – себе, т.е. интеллигенции, они, конечно, оставляли иные варианты).

Обращает на себя внимание разница отношения к интеллекту в развитых либеральных и иных обществах, которая пронизывает их сверху до низу. В стране, где глава государства следует советам своих учёных, каждый начальник ценит интеллект своих подчинённых. Вынужден ценить – того требует общественная система! В стране, где ведущих учёных отправляют на лесоповал, слова «интеллигент» и «умник» становятся ругательствами и интеллект девальвируется как ценность. Именно в этом, а не в чём-либо ином, по нашему мнению, основная причина превосходства первых стран над вторыми, как в глобальных политических и экономических вопросах, так и в уровне жизни простых граждан.

---

⁹ См., напр.: Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: A Selected Edition Adam Smith (Author), Kathryn Sutherland (Editor), 2008, Oxford Paperbacks, Oxford, UK.

¹⁰ Сен А. Развитие как свобода. [Электронный ресурс] // Режим доступа – <http://www.liberal.ru/book1.asp?Num=141>.

¹¹ Подробнее см.: Репинецкий С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара, 2010.